

ЛЕВ ВЕРШИННИН

ПРЕСТУПНАЯ ИСТОРИЯ США

СТАТУА КРОВАВОЙ
СВОБОДЫ

Агония США и закат Европы

Лев Вершинин

**Преступная история США.
Статуя кровавой свободы**

«Яуза»

2015

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Coe)

Вершинин Л. Р.

Преступная история США. Статуя кровавой свободы /
Л. Р. Вершинин — «Яуза», 2015 — (Агония США и закат
Европы)

ISBN 978-5-9955-0829-8

Эта книга проливает свет на самые темные и постыдные страницы американской истории, которые обычно замалчивает «свободная пресса». Этот бестселлер разоблачает кровавую «американскую мечту», восстанавливая правду о преступном прошлом США. Как «денежные мешки», сколотившие состояния на контрабанде и работорговле, спровоцировали «Американскую революцию» и «Войну за независимость», чтобы после победы оставить народ «у разбитого корыта» (оказалось, что жить при «свободе» куда дороже и беспросветнее, чем при «тирании»)? Знаете ли вы, что бунтов, погромов, карательных операций, грязи и крови в американской истории гораздо больше, чем в российской? Какими методами Соединенные Штаты захватывали чужие земли? И как долго простоят «дворец демократии», возведенный на рабстве и геноциде?

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Coe)

ISBN 978-5-9955-0829-8

© Вершинин Л. Р., 2015
© Яуза, 2015

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Белое и белое	8
Глава 1. Задолго до CNN	8
Тирания vs Демократия	8
Анижедети	9
Смертники Свободы	9
Банду Престола под суд!	10
Иного не дано!	11
Глава 2. Мы, американский народ	12
Генеральная репетиция	12
Мы в Город Изумрудный идем дорогой трудной	12
Парень без предрассудков	13
Именем народа	15
В борьбе обретешь ты право свое	16
Белая армия, черный барон	17
Консенсус	18
Глава 3. Капитан Сорвиголова	20
За что боролись?	20
Жил отважный капитан...	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лев Вершинин
Преступная история США.
Статуя кровавой свободы

© Вершинин Л., 2015

© ООО Издательство «Яуза-пресс», 2015

Предисловие

Когда меня попросили написать предисловие, я удивился. Но тут же и понял: удивляться нечему. Потому, что в мире есть только две вещи, о которых большинство людей может лишь гадать – будущее и прошлое.

Писатели-фантасты по мере сил пытаются угадывать, каким быть грядущему. Это трудно. Но историкам, работающим с прошлым, не легче, хотя в их распоряжении есть памятники и документы. Пожалуй, даже сложнее, когда есть письменные свидетельства – «мысль изреченная есть ложь», что уж говорить о печатном слове. Общее место – сетовать на переписывание истории, но историю начинают переписывать с самого рождения. И для того, чтобы разобраться в свидетельствах и описаниях, историку необходимо много раз просеять самые-самые «устоявшиеся» и самые «бесспорные» свидетельства через сито здравого смысла. Работа для детектива – найти настоящее прошлое... или для врача – поставить верный диагноз.

Лев Вершинин не детектив и не врач. Но он одновременно и историк, и писатель-фантаст. К моему глубокому сожалению, новых фантастических книг он давно не пишет. К моей искренней радости, он не оставляет историю – и опыт писателя-фантаста позволяет ему говорить с читателем о реальном легко и свободно.

Эта книга по сути зеркальная к книге «Русские идут». Две великие страны, две великие Империи – США и Россия. Говоря о великом государстве, по воле судьбы и геополитики являвшемся и нашим дружественным соседом, и союзником, и соперником, и, чего уж греха таить, врагом – велико искушение скатиться в фарс. Воскликнуть подобно юмористу «Да они ту-у-упые!» и сорвать аплодисменты.

Куда сложнее попытаться разобраться. Честно, без фантазий и передергиваний. Понять, как рождались Соединенные Государства Северной Америки. Какими болезнями страдали. А в постановке диагноза, и это я вам говорю не как писатель, а как врач – очень важно знать, чем пациент болел в детстве. Исцелился ли он от этих болезней – или несет их в себе, притерпевшись и приспособившись, но щедро награждая ими окружающих...

То, что история всех, без исключения, стран мира содержит в себе события жестокие, кровавые и бесчестные – ни для кого, наверное, не секрет. Конечно, всем свойственно идеализировать свой народ и свою страну, спрашивая с соседей по полной мере, но если всерьез заглянуть в историю – мало не покажется никому.

Но есть и отличия.

Страны «Старого Света», включая и Россию, вынужденно учились сосуществовать друг с другом. Воюя и завоеывая территории, включая в себя новые земли, порой заселенные народами иной веры и культуры, любая европейская страна уже имела опыт сосуществования с этим, «чужим» народом. Это где-то там, далеко-далеко, за морями и горами, жили «люди с песьими головами» и прочие дикари, которых и за людей-то считать было смешно. С теми, кто рядом, поневоле приходилось договариваться, общаться, торговать. Знать чужих богов и чужие обычаи. Понимать, что плохо ли, хорошо ли, но жить рядом придется – даже после войны.

Европейская колониальная экспансия выпустила из котла перегретый пар. Дала Европе возможность эксплуатировать «недочеловеков» по полной программе, успокаивая себя тем, что «Джентльмен к западу от Суэца не отвечает за то, что он делал к востоку от Суэца». У России никогда не было «заморских колоний», Россия шагала по земле – и любая новая территория становилась частью России, какой бы народ ее ни заселял.

Североамериканские Штаты стали первым и, пожалуй, последним исключением из европейской модели колонизации. Уйдя из-под владычества Британской Империи, имея в своем распоряжении девственный, малонаселенный континент, они вполне могли пойти по «рус-

скому пути». Не уничтожая, но принимая в себя, сливаясь воедино и помогая расти. Приобщая к цивилизации, но не размывая и не отвергая чужую культуру.

Интересная могла бы получиться страна. Интересный мог бы получиться мир! Соединенные Штаты, в которых не были выбиты (порой подчистую) индейские племена. В которых не завозились миллионы чернокожих рабов, хоть и получивших свободу немножко позже русских крепостных, но реально так и оставшихся в черных городах и гетто белых городов. Соединенные Штаты, не присоединившие к себе Гавайи, Техас, Аляску...

Но это была бы другая страна и другая история.

В реальности все пошло по-иному.

И вот как это было, нам и рассказывает историк. Рассказывает, никого не приукрашивая и не черня, все как было. Рассказывает языком писателя, так увлекательно, что читается книга как детектив или фантастика. Увы, это не фантастика, это правда, а преступники в этом детективе редко получают по заслугам.

В общем, прочтите. Обязательно прочтите. Вам многое станет понятнее не только в прошлом, но и в дне сегодняшнем.

А я, писатель-фантаст, особенно благодарен Льву за его исторические книги, в том числе и эту. Ибо только узнав прошлое по-настоящему, без лака и дегтя, можно попытаться угадать будущее. Будущее, в которое мы идем все вместе, будущее, которое обязательно наступит. И от того, что мы сегодня будем знать о прошлом, зависит, каким оно будет.

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

Часть I. Белое и белое

Глава 1. Задолго до CNN

Обратил внимание: на фоне дикого потока лжи, изливаемой нынче на всех, несогласных с тем, что Америка есть благо, «цивилизованными СМИ свободного мира», история знаменитой Бостонской Бойни, случившейся 5 марта 1770 года, приобретает особую актуальность...

Тирания vs Демократия

Событие это известнейшее, материалов тьма, посему не стану лишний раз повторять высокие слова о «стремлении граждан английских колоний в Северной Америке к свободе и демократии». Кому интересно, найти легко. Однако слова словами, а реально все, как и положено, началось с денег. В первой половине XVIII века у Лондона по разным причинам до американских колоний не доходили руки, так что реальной властью на местах стали фактически не губернаторы, а лидеры, скажем так, групп по интересам, объединяющихся для того, чтобы совместно оказывать политическое влияние на местные органы самоуправления. Чиновники, присланные из метрополии, очень быстро понимали, что играть под дудку этих «солидных людей», как они себя называли, выгодно, а пытаться с ними бороться – напротив, чревато, да и бесполезно.

Лицом этих групп («Девять лояльных» и «Клуб бостонского комитета» в Бостоне, «Верноподданные» в Нью-Йорке) были политически активные адвокаты, врачи и просвещенные ремесленники, мечтавшие когда-нибудь добиться права заседать в королевском парламенте, а «фундаментом» – крупные купцы-оптовики, крутившие миллионные обороты на практически узаконенной контрабанде. Ничего удивительного, что когда Лондон, наконец, взялся за наведение порядка, «неформалы» практически сразу ушли в оппозицию. Уже в 1765-м, сразу после принятия в Лондоне «Акта о гербовом сборе», нью-йоркские «политические группы», забыв о традиционной региональной вражде, объединились в организацию «Сыны Свободы», к которой вскоре начали присоединяться и другие города, в первую очередь, естественно, портовые. Деньги у «солидных людей» имелись, следовательно, не было недостатка и в правозащитниках, причем очень многие из официально считающихся «несогласными» и «диссидентами» действовали из самых светлых побуждений, вдохновленные идеями Века Просвещения, а денежные дотации воспринимали наивно и восторженно, как манну небесную. Что, разумеется, более чем устраивало оптовиков, предпочитавших держаться в тени.

Писали в парламент, писали королю, порой чего-то добивались, чаще нет, а параллельно раскручивали агитацию против «насилий метрополии» по месту жительства. В 1767-м, по инициативе бостонского «крестного отца», богатейшего купца Джона Хэнкока, державшего чуть ли не треть порта, несколько общественников накатали и разослали по колониям «циркулярное письмо», очень красиво и правильно обосновывающее необходимость и законность объединения колонистов для «борьбы с тиранией». По ходу дела учиняли террор над чиновниками, пытавшимися, согласно королевским указам, хоть как-то бороться с контрабандой и злоупотреблениями. Над ними издевались, их бойкотировали, их жен травили и оскорбляли, порой особо упрямых даже били на улицах «неизвестные грабители в полумасках».

В конце концов, когда поток жалоб в Лондон дошел до правительства, в мае 1768 года в бостонскую гавань вошел и встал на рейде, следя за порядком и выборочно останавливая для досмотра снующие туда-сюда посудины, 50-пушечный корабль «Ромни». Эта крыша казалась солидной, и таможня осмелела. 10 июня был задержан, обыскан и конфискован за оче-

видную контрабанду лучший шлюп самого Хэнкока. А на следующий день какой-то морячок с «Ромни», решив снять девочку в одном из портовых пабов, был с ходу обвинен в «непочтении к американским дамам». Словно по сигналу, в городе начались погромы и избиения. Потрепанным и до крайности перепуганным таможенникам пришлось, спасая себя и семьи, бежать из города в крепость на острове под защиту армии. Это уже ни в какие ворота не лезло, и Лондон решил сделать топ ногой.

Анижедети

В первых числах октября в Бостоне высадились морская пехота. Порт и пакгаузы были взяты под охрану, по городу зашагали патрули. В итоге всего за полтора года уровень контрабанды упал втрое, а таможенные сборы, напротив, выросли на 67 %, и основную часть контингента вывели. Несколько подразделений осталось, но это было уже не совсем то, на патрули сил не хватало, так что «солидные люди» оживились. Вновь начались волнения «простых, честных американцев»; вскоре таможеннику без охраны стало опасно появляться на улице, но, в отличие от прежних времен, под раздачу попали и чиновники других ведомств. Воздействовали по-всякому, от тривиального «насрать под дверь» до подливания чего-то типа касторки в молоко. У некоего Элиотта Спенсера, всего лишь писаря, одну за другой отравили трех собак, принадлежавших его дочерям. А затем дошло и до крови.

Поздним вечером 22 февраля 1770 года несколько подростков от 9 до 15 лет, работавших мальчишками на побегушках в конторе купца Джона Миллера, младшего компаньона того самого Хэнкока, затеяли бить стекла в доме таможенника Эбенизера Ричардсона. Типа, чтобы прохладился. Некоторые историки называют это «своеобразным политическим протестом», ну и Бог с ними, для нас же важно, что в эту ночь случилось непредсказуемое. Обычно чиновники в таких случаях либо старались отсидеться (одному против стайки, хоть и подростков, страшновато, тем паче что детки портовые, бедовые, с ножиками), либо выскакивали с палкой. Но так уж вышло, что под один из кирпичей подвернулась беременная жена домовладельца, камень сильно разбил бедняге голову, она лишилась чувств и у мужа, решившего, что овдовел, сдали нервы. Резвящаяся детвора получила в оборотку выстрел из дробовика, после чего разбежалась, оставив на мостовой одного из своих, Кристофера Сейдера, «молодого парня около одиннадцати лет», истекшего кровью. На следующий день юристы Хэнкока попытались погнать волну о «детоубийстве», однако судья, выслушав показания Ричардсона и врача, засвидетельствовавшего, что молодая дама мало того, что пострадала, так еще и на грани выкидыша, дело возбуждать не стал. Мученика не получилось. Но по логике сюжет дошел до момента, когда мученики были действительно необходимы. А когда «солидным людям» что-то необходимо, они это покупают.

Смертники Свободы

5 марта 1770 года, спустя 11 дней после «детоубийства», некий Эдвард Джерриш, «человек молодой и горячий», по странному стечению обстоятельств должник мистера Брэдли, еще одного компаньона Хэнкока, крепко подвыпив, начал хамить часовому, охраняющему таможеню. Солдат, как положено, оскорбления игнорировал, так что хулиган, наскучив, ушел, но через пару часов вернулся уже с друзьями. На сей раз в часовых полетели не только оскорбления, но и камни, и в конце концов, когда Джерриш попросту начал хватать одного из солдат за грудки, тот ударил его стволом мушкета. На крики потянулась толпа, – вполне возможно, подготовленная, общим числом едва ли не в сотню душ, все под хмельком. Ситуация быстро накалялась. Уже звучали и призывы к расправе, и в конце концов часовые, бросив свои будки,

которые «мирные демонстранты» уже пытались опрокинуть, отступили к лестнице таможни, прижавшись спинами к запертым дверям.

Вот в такой обстановке дежурный офицер, капитан Томас Престон, принял решение принимать хоть какие-то меры если и не по обузданию толпы, то хотя бы для спасения своих подчиненных. Собрав несколько солдат, он велел им примкнуть штыки и двигаться на усиление к часовым, поставив задачу спасти товарищей от расправы и защитить здание таможни от разгрома, а позже явился на место событий и сам. Толпа, тем временем, насчитывала уже «от 300 до 400 человек». Она накачивала сама себя, к тому же еще и некие люди, так и оставшиеся «неизвестными», раздавали «храбрым защитникам свободы Бостона» склянки с виски «для обогрева». Уже в сумерках в солдат полетели не только снежки и камни, но и невесть откуда взявшиеся «колеса и железные палки», – и в какой-то момент, когда начались травмы (странным, что не раньше), прозвучал первый выстрел. А вслед за ним и еще. Стреляли не залпом, в общем, почти не целясь, просто, чтобы отогнать, – и таки отогнали, но трое хулиганов были убиты наповал, еще один парнишка, похоже, даже не участник бучи, был смертельно ранен рикошетом, а пятая жертва скончалась через две недели.

Банду Престона под суд!

Наутро началась истерика. Уже 7 марта по городу ходили плакаты, наспех изготовленные местными художниками, – естественно, «очевидцами массовых убийств», – изображающие хорошо одетых, приличных людей, расстреливаемых войсками, выстроенными в правильные шеренги. Как позже выяснилось, координатором массового изготовления всех этих наглядных пособий был молодой гравер Поль Ривир, спустя несколько лет сыгравший видную роль на старте Войны за независимость, а пока что всего лишь активный «патриот», находившийся, кстати, в самой гуще скандала у таможни. Опасаясь провокаций, власти вывели войска из центра города на островной замок в гавани, но это никого не успокоило. Похороны «мучеников Свободы», в том числе и шпаненка Сейдера, которого почему-то десять дней не спешили предать земле (?!), вылились в совершенное безобразие под тяжелым хмельком и лозунгами типа «Нет тирании!». Резко вошли в моду «патриотические пирушки», где всех желающих покрывать о «справедливом суде и скорой казни убийц» поили совершенно бесплатно и от пуза.

В итоге капитан Престон и его солдаты были взяты под стражу. Отдавать служивых людей на съедение по политическим соображениям в те времена считалось непозволительным, но то, что суд должен быть открытым и гласным, а приговор строго соответствовать преступлению, власти понимали. Поступить иначе означало бы подтолкнуть «умеренных» в стан «патриотов». Проблема заключалась с тем, что ни один из «юристов Бостона» не соглашался защищать подсудимых. Все понимали, что выиграть дело не так уж сложно, но жить, а тем паче делать карьеру в Бостоне после этого будет затруднительно. Взялся за дело только Джон Адамс, довольно известный лойер из городка Престона, считавшийся одним из видных «патриотов». Его отговаривали, и сам он тоже понимал, чего это может стоить, но, как позже писал в мемуарах, «даже если бы моя репутация была испорчена, казнь бедных солдат впоследствии стала бы пятном на этой стране, не менее грязным, чем казни ведьм в былые времена. К тому же я рассчитывал доказать властям, что размещение гарнизонов в мирное время чревато нежелательными инцидентами, и мне это удалось, что было оценено по заслугам, и таким образом, я, поступив по-христиански, был еще и вознагражден общественным доверием».

Жизнь показала, что он не прогадал: действительно, публичное обоснование нежелательности пребывания военных в городе было в итоге признано более целесообразным, чем показательная расправа с солдатами, и на политической деятельности лойера его поступок, несмотря на кратковременную обструкцию, никак не сказался, напротив, позже он даже стал вторым президентом США.

Иного не дано!

Впрочем, это было позже. Пока же Адамсу удалось подобрать команду (еще двух юристов). Чтобы приглушить страсти, суд отложили на несколько месяцев, а присяжных, вопреки обычаю, избрали не из местных. В конце октября состоялся первый суд, над командиром, – и, к огромному неудовольствию публики, капитан Престон был оправдан, поскольку доказал, что не приказывал открывать огонь (доказать это было несложно, поскольку он в момент выстрелов пребывал в крайне неудобном месте, чтобы отдавать такую команду). Спустя месяц судили солдат. Адамс строил защиту на утверждении, что подсудимые бесспорно подверглись «беспричинному и жестокому нападению толпы уличных подростков, негров, цветных, ирландских пьяниц и прочего сброда», и имели полное право сопротивляться. Выяснять, утверждал он, следует только степень угрозы: если в опасности была жизнь, солдаты невиновны, а если нет, то виновны разве что в неумышленном убийстве. Жюри, выслушав показания свидетелей, согласилось с защитником. Шесть солдат были оправданы, еще двоих, стрелявших несколько раз, чуть было не признали виновными, но Адамсу все же удалось добыть доказательства, позволившие оправдать и их (пятый погибший, по имени Патрик Карр, незадолго до смерти дал официальные показания на дому, в присутствии священника, а тот передал их адвокату).

Но все это уже не имело ровным счетом никакого значения. В конце концов, никто ни лично капитану Престону, ни бедным служивым зла не желал. Главное, что появился повод. По всем колониям, от Вермонта до Джорджии, полетели красочные, в основном, естественно, анонимные описания трагедии типа классического бестселлера «Полное и правдивое описание ужасной бойни и резни, испытанных мирными и добропорядочными гражданами славного города Бостона от рук бесчеловечных солдат 29-го полка, который вместе с 14-м полком ныне попирает права добрых верноподданных Его Величества Короля Георга». А то и круче. Просвещенное общество читало, ужасалось злодеяниям тирании и проникалось мыслью, что так жить нельзя.

Начало, короче говоря, было положено, – а что было дальше, известно так хорошо, что и говорить о том нет никакой надобности. Помяну лишь, что в 1858 году, когда ни одного свидетеля событий уже не было в живых, в Бостоне начали отмечать День Мучеников Свободы, а в 1888-м был установлен памятник жертвам резни, на фронтоне которого перечислены славные имена всех шестерых, включая, разумеется, и Кристофера Сейдера. Учиться на их примере много десятилетий наставляли детвору. Нынче, правда, о суде (но не о предыстории сюжета) уже рассказывают все более и как есть. Хотя отголоски старой версии, гласящей, что «капитана Престона и его солдат осудили за убийство», типа, как насчет иракских ОМП, с которыми когда-то, – бывает, бывает, – слегка ошиблись...

Глава 2. Мы, американский народ

Генеральная репетиция

А сейчас вернемся на век назад и поговорим о событиях, связанных с именем Натаниэля Бэкона. Дело было, правда, еще в эпоху колониальную, то есть скорее к Англии относится, чем к Соединенным Штатам, которым еще только предстояло возникнуть полный век спустя. Однако, с другой стороны, именно этот сюжет будущие отцы-основатели Империи Добра, – в частности, сам Томас Джефферсон, голова из голов, – считали примером для подражания и вообще первым случаем, когда «американский народ заявил о себе как об отдельной от англичан нации, исполненной чистого патриотизма, добродетели и любви к свободе». А это, согласитесь, уже кое-что.

К тому же в самом сюжете таится некая будоражащая душу загадка. Задолго до нынешних времен толерантности и взаимного согласия, отношение к Бэкону странным образом объединяло несоединимое. Самые твердокаменные, прошлого еще поколения коммунисты США, типа Герберта Аптекера, считали его «чудесным, ярчайшим примером объединения всех угнетенных, белых и черных, в борьбе с колониальным гнетом Англии». Спустя поколение в ту же дуду дудел идеолог «новых левых» Теодор Аллен, указывавший, что «выступление народа против буржуазии, начавшись как результат расхождений в «индейском вопросе» между элитными и неэлитными плантаторами, превратилось в гражданскую войну, в которой вооруженный рабочий класс, черный и белый, дрался плечом к плечу за отмену рабства». И вместе с тем, что интересно, примерно в том же ключе высказывались и закоренелые консерваторы, даже расисты вроде Ника Салливана, рассматривавшие Бэкона как «самого великого патриота и демократа Америки до Вашингтона». Уже любопытно. Получается, что какой-то конфликт между группами каких-то плантаторов, чего-то не поделивших по «индейскому вопросу», каким-то непонятным образом перерос в совместную вооруженную борьбу белых и африканских рабочих против рабства, да еще и против гнета Англии. Странно. Непонятно. Будем разбираться...

Мы в Город Изумрудный идем дорогой трудной

Вирджиния, самая, как говорили тогда, «царственная» колония Англии в Северной Америке, по праву считалась славным местечком. Не холодно и не жарко, аккуратно между будущим Севером и будущим Югом, но все-таки больше Юг. Населена была не хмурыми сектантами-разночинцами, как чуть севернее, а людьми свободомыслящими, ни Бога, ни себя не забывающими, в немалой степени дворянами. Занимался тамошний люд в основном сельским хозяйством, в социальном смысле делясь на «джентльменов», – около 1000 семей, – потомков первых поселенцев, прогнавших индейцев с берега и владевших большими и богатыми плантациями близ моря, где трудились чернокожие невольники, и «народ», численностью раза в четыре больше. «Народ», в свою очередь, распадался на «сквайров» (плантаторов победнее), фермеров и безземельную мелюзгу – в основном из отбывших семилетний срок «кабальных слуг» («белых рабов»), то ли сосланных из метрополии на каторгу, то ли оплативших трудом переезд. Ну и еще полезно для понимания дальнейших событий знать, что управлялась Вирджиния, как положено, своей Ассамблеей, но губернатора, поскольку колония считалась коронной, назначали из Лондона, а правом голоса обладали только свободные белые мужчины, владевшие землей или иной собственностью, вроде мастерской или судна. Но главное, конечно,

землей, поскольку мастерские были в основном на плантациях, а корабли плантаторам же и принадлежали.

В общем, поначалу такой порядок дел был даже справедлив, но по мере роста колонии белых свободных «лишенцев» становилось все больше, и они все настойчивее поговаривали о том, что неплохо бы получить право голоса. Не политики ради, политика мало их волновала, а потому что к 1674 году на повестку дня вышел «индейский вопрос», которого раньше как бы и не было. В отличие от суровых сектантов Новой Англии, считавших краснокожих еле-еле животными и спровоцировавших туземцев вести себя соответственно, а затем вырезавших «дьяволов» подчистую, в Вирджинии царило согласие. Девятнадцать небольших местных племен, проиграв войну 1644–1646 годов, жили, не нарушая договор, лояльно служили английской короне, платили дань пушниной и даже помогали колонистам в войнах с более далекими, «немирными» племенами.

Так было много лет, но теперь привычный мир нарушился. Летом 1675 года цены на табак падали (голландцы интриговали вовсю), сильная засуха сократила урожай маиса на три четверти, и «народу», и «джентльменам» приходилось затягивать пояса, а тут еще с севера, из Массачусетса шли нехорошие слухи о взбесившихся индейцах, берущих штурмом и выжигающих целые города. То есть о знаменитой «войне короля Филиппа». Это, конечно, было далеко, но у страха глаза велики, а к тому же ситуация давала возможность решить остро волнующие всех вопросы. Короче говоря, большая группа фермеров, обитающая по соседству с лояльными индейцами, потребовала отменить договор, прогнать их, неважно, что лояльные, и распределить возделанные земли, поскольку «это даст добрым подданным дополнительный доход». Того же требовали и бывшие кабальные слуги, не имеющие заработка и мечтающие о своей земле, тем паче уже ухоженной, поскольку средств на самостоятельную очистку участков и постройку домов не имели.

Власть в лице губернатора, пожилого джентльмена по имени Роберт Беркли, такие настроения не поощряла, как «противоправные», а провести соответствующие законы через Ассамблею «народ» не мог, поскольку «малых плантаторов» было немного, а мелюзга не имела права избирать и быть избранной. Вопрос сделался актуален, но «джентльмены» добра от добра искать не собирались, – и в какой-то момент фермеры решили брать дело в свои руки по северным стандартам. Начались пограничные стычки, – белые явочным порядком занимали индейские угодья. Затем дело дошло до убийств, а в июле 1675 года и до крупного конфликта. Преследуя воинов из «немирного» племени доик, укравших свинью и побивших сторожа плантации, отряд виргинской милиции по ошибке пересек границу Мэриленда и – опять-таки, по ошибке – атаковал поселок ни в чем не виновных саскеханоков, своих союзников. Индейцы оказали сопротивление и прогнали почему-то нагрянувших белых. Возможно, зря, поскольку сопротивление рассматривалось как «грех и нарушение Божьего права».

Разозленные виргинцы, объединившись с милицией Мэриленда, вернулись в августе, уже огромной по тем временам армией, – 1100 человек окружили форт саскеханоков, пятерых главных вождей выманили на переговоры и без лишних церемоний повесили, а затем атаковали укрепление, но взять не смогли и решили удушить «чертей» блокадой. Но опять просчитались: когда голод стал невыносим, осажденные под покровом ночи покинули городок и неслышно проскользнули через оцепление, убив по дороге пятерых часовых, по одному за каждого вождя. Могли и больше, но не захотели. Однако договора больше не существовало: саскеханоки встали на тропу войны.

Парень без предрассудков

Все эти события, понятное дело, обострили политическую ситуацию в Вирджинии. «Народ» требовал или указа губернатора о войне с индейцами, или права голоса для всех,

чтобы вотировать войну через Ассамблею. И как раз в этот момент на авансцене появился всего лишь года полтора как приплывший из Англии молодой сквайр Натаниэль Бэкон по прозвищу «Junior», поскольку был и Бэкон-старший – один из столпов колонии, богач и член государственного совета Вирджинии. Он, собственно, и пригласил молодого кузена, дела которого в Англии шли плохо, перебраться за океан, тем паче что его сестра, соответственно, тоже кузина англичанина, была замужем за самим губернатором, мистером Уильямом Беркли, и тот гарантировал свояку хороший прием. Так оно и вышло: немедленно по прибытии Натаниэль купил по дешевке две небольшие, но очень хорошие плантации в престижном районе у моря, нашел надежного компаньона, Уильяма Бёрда, и получил от губернатора выгодную, далеко не всем достававшуюся лицензию на право ведения пушной торговли с индейцами. А затем, – очень понравившись мужу кузины умением красиво говорить и толково советовать, – стал и членом госсовета Вирджинии. Искушенный политик, губернатор, видимо, полагал, что молодой человек, в колонии чужой и всем ему обязанный, станет его надежным сторонником.

И ошибся. Юноша был птичкой совсем иного полета, и амбиции его, как очень скоро выяснилось, пределов не имели. Практически сразу он ушел в оппозицию Беркли по «индейскому вопросу». Губернатор, исходя как из инструкций Лондона, так и из собственных взглядов, стоял на том, что любая «враждебность» краснокожих, неважно, что послужило ее причиной, должна быть наказана, так что карательные экспедиции против саскеханоков одобрял и поддерживал, а к их просьбам о мире не прислушивался. Вместе с тем, утверждал он, аборигенов, соблюдающих договоры, лояльных короне и «смирненно принимающих несправедливость судьбы», трогать не следует, торговать с ними должно более или менее честно и столкновений за землю не провоцировать. «Я бы хотел, – писал он, – сохранить тех индейцев, которые ежечасно в нашей власти, чтобы они служили нашими шпионами, помощниками и проводниками», предлагая построить вдоль границы несколько небольших фортов, которые исключили бы возможность вторжения с земель, где жили «немирные» индейцы. «Джентльмены», как уже говорилось, были с губернатором заодно. А вот «народ» на такое «миролюбие» роптал.

Pro forma людей не устраивало неизбежное, при решении строить форты, повышение налогов, но на деле все было куда проще. Кому-то хотелось расширить свои фермы до ранга плантаций, кому-то просто обзавестись фермой, а кого-то, безденежного, бесило, что за свои меха «краснокожие черти» требуют плату, вместо того чтобы с радостью отдавать их даром. В связи с чем «народ» сходил в мнении, что индейцев, мирные они или нет, следует попросту перебить, а их имущество поделить по-честному, «согласно заповедям Божиим». Очень скоро в вожди «народа» выдвинулся Бэкон, индейцев хотя и увидевший впервые совсем недавно, но возненавидевший сразу; сам он этого не отрицал. На тех, кто считал причиной тот факт, что в стычке с саскеханоками погиб один из его работников, даже сердился. «Хардинг, – заявил он на одном из сходов, – был выпивоха и богохульник, его гибель меня ничуть не огорчила, однако я уверен, что сокрушить, а лучше без предрассудков, полностью искоренить всех индейцев было бы делом угодным Господу и полезным для всех простых людей».

Щедрый, красноречивый и храбрый, Junior очень быстро стал популярен в среде поселенцев пограничья, вполне согласных с его программой «окончательного решения» индейской проблемы, а ощутив за собой реальную силу, бросил вызов и самому губернатору Беркли. Для начала аккуратно попробовав старика на прочность тайным предложением «поддерживать во всем честно и усердно», если его и Бёрда компания получит «меховую монополию», – то есть, в сущности, бюджет колонии. Естественно, Беркли послал «вождей народа» куда подальше, для начала отказав «наглецу Нату» в чине офицера колониальной милиции, в связи с тем, что он «своеволен и не уважает власть». А чуть позже, в марте 1676 года, вообще ударил ниже пояса, проведя через Ассамблею решение о проверке лицензий и отборе их у «виновных в контрабанде». Естественно, Бэкон с напарником оказались в числе лишенцев, – и естественно,

честолюбивый и обидчивый Junior был взбешен, поскольку удар был двойным, и по амбициям, по планам, и по кошельку.

Именем народа

В мае 1676 года «лояльное» племя оканичи сообщило губернатору, что поблизости от их селения появились саскеханоки, и получило в ответ уничтожить «немирных» своими силами. Поселенцам отправляться в поход было запрещено, однако Бэкон – это было первым его официальным актом неподчинения – созвал недовольных таким решением, выставил им несколько бочек виски, а затем, естественно, избранный «генералом», двинулся в земли оканичи, где неожиданных гостей, изможденных и голодных, встретили удивленно, но очень приветливо. Их накормили, дали отдохнуть, а пока они отдыхали, гостеприимные хозяева сделали все сами. Внезапно атаковав лагерь саскеханоков, оканичи убили около 30 воинов, еще десяток замучили у столба пыток, а прочих (человек двадцать) подарили Бэкону. Рабов Junior, конечно, принял с благодарностью, однако возвращаться назад не спешил: у него были совсем иные планы. Позже его люди честно рассказывали, что «по слухам, у дикарей скопилось пушнины на тысячу фунтов стерлингов, и было несправедливым оставлять в их руках такое богатство». В общем, за день до предполагаемого ухода, во время прощального пира, люди Бэкона, как не без гордости написал он в докладе, «набросились на мужчин, женщин и детей снаружи, безоружии и уничтожили их всех».

Укрепленный городок, правда, взять не смогли, да и не пытались, но добычи и рабов набрали достаточно и без потерь, – по словам Джереми Уитта, «не убив ни одного враждебного индейца, но убив, обобрав и обратив в рабство множество дружественных», вернулись домой, где были встречены «народом» как герои. С точки зрения губернатора, конечно, это было совсем не так, – Беркли расценил действия Бэкона как «мятеж» (а современные историки именно с этого момента исчисляют начало «восстания»), но от заявлений старого джентльмена «народному генералу», ставшему самой популярной фигурой в Вирджинии, было ни холодно ни жарко. Напротив, он сам перешел в атаку на Беркли и чиновников колонии, обвиняя их в «любви к индейцам» и «ненависти к честным белым людям», – в связи с чем, дескать, «ни один мужчина не смел убивать индейцев, даже враждебных... пока я не разрубил этот узел, что заставило людей смотреть на меня как на своего друга». Это, конечно, была ложь чистой воды, индейцев и раньше стреляли почем зря, но люди, естественно, верили каждому слову «нашего Ната». Сомневавшихся били. Кое-кому подпустили красного петуха. А сам «народный генерал» тем временем уже позволял себе намекать и на то, что в Лондоне не знают, кому пристойно быть губернатором, так что решать это следует не английским чиновникам, но «народу, большинством голосов», а следовательно, необходимо отменить «несправедливое установление 1670 года», лишаящее права голоса «свободных белых людей, не владеющих землей».

Ничего удивительного, что Бэкон, хоть и объявленный «нарушителем закона и мятежником», легко победил на выборах в Ассамблею, первая сессия которой должна была начаться 5 июля 1676 года. Активнейшее участие в кампании, всю пиаря супруга среди женщин и убеждая их уговорить мужей голосовать только за «народного генерала», который «с Божьей помощью убил множество индейцев и убьет еще больше», принимала и леди Бэкон, – к слову сказать, на этом основании считающаяся нынче «основательницей американского феминизма». Совсем уж на всякий случай, – хотя сомневаться в успехе не было никаких оснований, – Junior 5 июня, в день выборов, приказал своим вооруженным сторонникам захватить избирательный участок в графстве Энрико, от которого он баллотировался. А после подсчета голосов, вместо того чтобы, как положено было, отправить в столицу колонии своих доверенных лиц со списками и опечатанными бюллетенями, двинулся на Джеймстаун во главе вооруженного до зубов отряда ополченцев, заявив, что хочет лично проследить за окончательным подсчетом и,

если понадобится, сместит «негодяя Беркли, который, Бог свидетель, определенно стремится украсть у народа мою победу».

В борьбе обрешь ты право свое

Первый блин, однако, вышел комом. Поход полусотни людей с мушкетами изобразить «законным действием народа» не получилось. 7 июня на окраине Джеймстауна Бэкон и его люди были задержаны спешно созванной милицией. Всерьез рассерженный Беркли, созвав ассамблею, поставил вопрос о судьбе «мятежника и нарушителя закона». Дело пахло петлей, и ею бы, видимо, кончилось, прояви Junior хоть сколько-то гонора типа того, что выказывал в своем кругу. Он, однако, были смиренен, как овечка, во всем каялся, пав на колени, целовал руку губернатору, называя его «любимым дядюшкой», клялся на Святом писании, что никогда больше не будет, – и таки вымолил прощение. Более того – миловать так миловать, – был утвержден депутатом и вновь назначен членом Госсвета. После чего уехал домой, а полторы недели спустя, 23 июня, вернулся в Джеймстаун уже во главе 500 вооруженных сторонников.

На сей раз, понятно, город он легко захватил, самого губернатора пленил, и 30 июня, на 5 дней раньше «законного» срока, открыл первую сессию нового созыва Ассамблеи, вошедшую в историю под названием «Ассамблея Бэкона». Подавляющим большинством голосов были утверждены знаменитые «Декларация народа Вирджинии» и еще более знаменитый Акт VII, восстановивший избирательное право «свободных белых людей, не имеющих недвижимости». А также, вернее, еще до того, Акт I и Акт II, объявившие все ранее заключенные договоры с индейцами недействительными, а все их земли, «в первую очередь, должным образом возделанные», и все «запасы пушнины, а также иные полезные припасы» собственностью колонистов. Против Акта VII не выступил никто, его поддержал даже Беркли, присутствовавший на сессии в кандалах, а вот Акты I и II вызвали споры. «Джентльмены» и бывший губернатор настаивали на том, что так поступать с «лояльными» индейцами все-таки неблагородно и Лондону это придется не по вкусу. Однако Бэкона несло. Прислушиваться к поверженным оппонентам он не собирался. На его стороне была сила, и поэтому за него голосовали даже «джентльмены». Единственное, чего «народному генералу» все-таки не удалось, – поскольку ни одно из обвинений не подтвердилось, – это привлечь «любимого дядюшку» к суду за махинации с налогами, протекцию друзьям и «преступный сговор с индейцами». В конце концов, Беркли пришлось не только оправдать, но и отпустить домой, поскольку на границе, откуда ушли почти все вооруженные мужчины, стало беспокойно и старик, согласно закону, имел право защищать свою семью.

Теперь вся власть была в руках «храброго Натаниэля». Официально объявить себя губернатором, нарушив тем самым уже и королевские полномочия, он, правда, все же не рискнул, – главой колонии был провозглашен его сторонник Уильям Драммонд, занимавший этот пост до Беркли, но снятый за взятки. Не стал «народный генерал» и, как вообще-то следовало бы, уведомлять о событиях Лондон. Более того, ввел практику выдачи патентов на плаванья в метрополию только самым доверенным людям, в которых был уверен. Зато, чего и следовало ждать, мгновенно начались кампании против индейцев, причем первыми жертвами «народной власти» стало вообще ни в чем не виноватое, издавна дружественное колонистам племя памунки, исправно поставлявшее «белым братьям» вспомогательные отряды во всех их войнах с окрестными племенами. Действовала «народная армия» с уже привычной жестокостью, не ограничивая себя правилами, присущими «джентльменам», тем более что памунки за несколько лет до того по приказу Беркли сдали мушкеты «на хранение» в Джеймстаун и получали их только для участия в походах. Потрясенные, ничего не понимающие индейцы бросились за помощью к тому, кого по-прежнему считали Большим Справедливым Вождем, – к старому Беркли, и тот, как умел, разъяснил им ситуацию, в ответ на что краснокожие предложили ему любую помощь,

какая потребуется. Предложение было с благодарностью принято, – старик искал любую возможность вернуться к власти, как сам он потом объяснял, «во имя порядка на земле и восстановления воли Его Величества». Тем паче что уже к концу июля вокруг него опять начали собираться люди, в основном, конечно, «джентльмены», недовольные засильем в колонии «невежд, смутьянов и наглецов» Бэкона, ко всему еще и присматривавшихся к их плантациям.

Их, правда, не так много, но тут появляется письмо из Лондона, куда экс-губернатор успел сообщить о смуте еще в самом ее начале: король, естественно, возмущен и в ответе, признавая Беркли единственным законным главой колонии, предоставляет ему чрезвычайные полномочия. Это всего лишь слова, но по тем временам эти слова значат очень много, тем паче что у Беркли сохранилась и королевская печать, которую он накануне ареста успел спрятать, отговорившись, что выкинул в реку. И слово становится делом: собрав по сусекам около сотни «джентльменов», губернатор именем короля подписывает обращение к «белым рабам», объявляя, что все кабальные слуги сторонников Бэкона, если они убегут от своих хозяев и поддержат «королевское дело», получают свободу. Кроме того, «благим и угодным его величеству делом» объявляется грабеж хозяйского имущества, две трети которого объявлялись «королевским штрафом», а треть – долей бывших невольников.

Белая армия, черный барон

В итоге за считанные дни под знамя губернатора сбегается не менее пяти сотен кабальников, в том числе и матросы всех трех военных судов колонии, – разумеется, вместе с кораблями и пушками. Бэкон, естественно, всерьез встревожен, – индейские земли и пушнина, конечно, очень хорошо, но его людям не нравится то, что творится дома, а мнение людей надо учитывать, и ему приходится возвращаться в Джеймстаун. В это время, примерно в середине августа, в его озабоченную голову приходит, казалось бы, совершенно фантастическая идея. «Народный генерал» пишет письма ассамблеям соседних колоний – Мэриленда и Южной Каролины, – призывая их примкнуть к «народному делу», а если Лондон откажется удовлетворить их требования, совместными усилиями «объявить в Америке независимую от англичан, во всем от них отличную американскую нацию». В устах коренного, всего пару лет как в Новом Свете не прожившего англичанина это, конечно, звучит странно, – но такое уже случалось: веком раньше, обидевшись на короля Испании, мешавшего им беспредельничать с индейцами, уже пытались объявить себя «независимой нацией», а своего лидера Гонсало Писарро «королем всех Америк» перуанские конкистадоры.

Кончилось это, правда, плохо, да и у Бэкона не лучше. «Джентльмены», правившие по соседству, с индейцами дружили, закон уважали и на «безумные письма» даже не ответили, вместо того известив мистера Беркли: мол, считаем только вас, сэр, законной властью Вирджинии. Зато 7 сентября к Джеймстауну подошли силы лоялистов, не менее 600 мушкетов, при трех пушках и, что еще страшнее, королевской печати и королевской грамоте. Но вместо штурма мудрый Беркли предлагает амнистию всем мятежникам за исключением, естественно, Бэкона, Драммонда и еще двух «неисправимых преступников». И тут, хотя город хорошо укреплен, а пушек на стенах почти дюжина, «народ» открывает ворота и сдает столицу без боя, а большинство радостно переходит на сторону губернатора, встав в очередь за грамотами о прощении. Всем прочим Беркли, предупредив о неизбежных последствиях, позволяет уйти, развернув знамена. Ему «не нужно кровопролития», ему «нужно торжество закона и власти короля».

Теперь загнанным в угол оказался Junior. Оставшиеся с ним 150–200 сторонников – не сила, он это понимает. Теоретически еще не поздно покаяться, шанс на помилование высок, тем паче есть друзья и есть кому заступиться, – в особом письме Беркли намекает, что готов ограничиться высылкой смутьяна в Англию, даже дав право продать имущество. Однако Бэкон,

судя по всему, уже не мог развернуться. Да и не из тех был. Ни смириться с поражением, ни идти на компромисс он не желает. Напротив, отвечает ударом на удар: за подписями «народного губернатора Драммонда» и «народного генерала» Бэкона, – со ссылкой, конечно, на «королевскую волю» (что уже само по себе государственная измена), – выходит в свет прокламация, призывающая восстать белых рабов. На сей раз, принадлежащих сторонникам «изменника Беркли», то есть большинству «джентльменов». Всем, кто откликнется, обещают уже не только свободу, но и землю, и право голоса. Более того, аналогичная (правда, только насчет свободы) прокламация обращена и к чернокожим рабам (Бэкон, не считавший индейцев людьми, к африканцам, как ни странно, относился мягче).

Спустя пару дней такой же указ подписывает и Беркли, но Junior успел раньше, и в его армию вступают сотни новых рекрутов. 19 сентября Бэкон вновь осаждает Джеймстаун, но вместо штурма выставляет в поле перед воротами рабов-индейцев, держащих на поводках жен и защитников, пригрозив, что «честь дам будет поругана». Драки, впрочем, опять не получается: как ранее люди Бэкона, лоялисты уходят за реку с развернутыми знаменами, и на этот раз уходит большинство; к мятежникам присоединяются считанные единицы. Той же ночью «народный генерал» отпраздновал триумф, приказав сжечь Джеймстаун, «оплот греха и тирании», дотла, объявил, наконец, себя губернатором, и... И вдруг, 26 октября, молодой и полный сил, умер. То ли от дизентерии (скорее всего), то ли от яда (чему конспирологи уже три века ищут доказательства – но безуспешно). И это – в самом зените успехов – ломает хребет мятежа.

Консенсус

Сразу после смерти Бэкона все поползло по швам, словно бунт держался только на его незаурядной харизме. Практически тотчас началось дезертирство: кто-то уходил домой, многие – «за речку», в стан лоялистов, где одумавшихся не наказывали. Джон Ингрэм, избранный новым «генералом народа», не умел ни сплотить, ни воодушевить людей, тем более что уже никто, – кроме, разве что, бывших рабов, – не знал, за что, собственно, воюет. А отряды Беркли все чаще форсировали Тайдуотер и наносили удары по бестолково бродящим на берегу Чесапического залива группам мятежников. Об индейцах и говорить не приходится, они нападали едва ли не ежедневно. В конце концов, не выдержал и Ингрэм: тайно связавшись с Беркли, он договорился в обмен на помилование разоружить еще подчинявшихся ему бунтарей. Около сотни отказавшихся подчиниться были объявлены вне закона, и на них началась «королевская охота», завершившаяся под Рождество, когда примерно 80 чернокожих и менее 20 кабальных слуг, еще бродивших по лесам, попали в засаду и под дулами пушек были вынуждены сложить оружие. В конце января 1677 года 70-летний губернатор вернулся в сожженную столицу колонии, где не осталось ни одного не разграбленного дома; как писала в Лондон его супруга, «из-за негодника Ната все придется строить заново, потому что восстановить что-то нет никакой возможности».

К общему удивлению, Беркли, слывший человеком незлобивым, проявил в отношении мятежников крайнюю жесткость, в основном конфискуя собственность, но и вешая – на эшафот пошли 23 человека (очень много по тем временам и местам), в том числе несколько «джентльменов» и даже бывший губернатор Драммонд. Устоявшаяся в Штатах версия гласит, что такое зверство не осталось безнаказанным: король Карл II, выслушав доклад следственной комиссии, якобы заявил: «Этот старый дурак предал смерти больше людей за шалости в пустыне, чем я здесь за убийство моего отца», и приказал с позором отозвать старого губернатора. Это, однако, легенда, не имеющая никаких подтверждений, зато сохранилось личное письмо Беркли его величеству с просьбой о возвращении в Англию в связи с возрастом и недомоганиями, а также королевская грамота с благодарностью «сэру Уильяму за его примерный, верноподданный и многолетний труд».

В успокоившейся же колонии все пошло по накатанной колее. Акты «Декларации народа Вирджинии» были пересмотрены, те, что касались индейцев, отменены, но толку для краснокожих в том было мало, – за несколько месяцев художеств Бэкона большинство их было либо перебито, либо ушло куда подальше от безумной колонии, а вслед за ними ушли и соплеменники, порабощенные «народным генералом», но освобожденные Беркли. Так что вожделенные земли достались колонистам, и «малые плантаторы» стали плантаторами нормальными, а безземельная мелкота, в том числе и кабальные, поддержавшие «королевское дело», обзавелась фермами, в связи с чем никого не напрягла и отмена Акта VII – о праве голоса для всех свободных, независимо от собственности, – ведь теперь собственниками были все. Кроме, разве что, двух-трех сотен негров, вставших на сторону Беркли, – им пришлось довольствоваться свободой, отчего, кстати, процент вольных негров в Вирджинии стал и остался большим, нежели в соседних колониях. Короче говоря, согласно классической формулировке Филиппа Д. Фонера, «Это славное восстание завоевало ряд демократических прав для народа (...) Ни одна из этих демократических реформ не была сохранена после поражения восстания, но память о них продолжала жить. Бэкон был поистине народным вождем, «факельщиком Революции» и первым архитектором человеколюбивых принципов народа Соединенных Штатов».

Глава 3. Капитан Сорвиголова

Короче говоря, при проклятом колониализме верхи с низами очень не ладили. Но уж после обретения долгожданной Свободы, казалось бы, должны были поладить. По крайней мере, именно так и никак иначе полагали «владельцы независимости», добившиеся всего, чего хотели. А получилось не так.

За что боролись?

Редко вспоминают, хотя и особого секрета не делают, что союз республик Северной Америки, с французской помощью (и только благодаря ей) добившийся в 1783 году независимости от Великобритании, при всех красивых лозунгах Века Просвещения был, мягко говоря, не демократичен. «Владельцы независимости», – крупные купцы-оптовики Новой Англии и плантаторы Юга, включая и тех, кто стоял в стороне от борьбы или даже стоял на стороне короля, но в последний момент успел вспрыгнуть на подножку, – добившись ухода от королевских налогов и всяческих сковывающих бизнес пережитков, считали, что все сделано. Предприниматели, хорошо нагретые руки на производстве вооружений и поставках армии, получили «благодарственные субсидии» от государства, простившего предосудительные случаи продажи товаров параллельно и англичанам. В элиты бывших колоний влились экс-пираты, по итогам войны ставшие почтенными каперами с длинным списком побед (в смысле захватов английских судов).

Расхватав по дешевке (деньги-то были) земли, конфискованные у лоялистов, а также массово скупив (в основном за виски) солдатские сертификаты на право получения земли, новые хозяева колоний, отныне ставших суверенными штатами, перепродавали землю мелкими участками тем же бывшим солдатам, которые, проспавшись, соображали, что сделали глупость. Обращать хоть какое-то внимание на всякую мелочь, пусть даже эта мелочь вытянула на себе вся тягота семилетней, кровавой и изнурительной войны, тем более делиться с мелочью плодами победы, никто и не думал. На первых порах решили даже «забыть» о долгах уже не нужной континентальной армии. Правда, пришлось вспомнить. Уже в июне 1783 года, вскоре после победы, ветераны, уразумев, что получили от вожденной независимости, по словам французского поэта Френо, «лишь славу и голод», зарычали, – и после похода армии на Филадельфию, остановленного только авторитетом обожаемого всеми Вашингтона, конгрессу пришлось раскошелиться, выплатив воинам Республики часть того, что им по праву причиталось. Однако после этого армию, на всякий случай, распустили, а остатки долга так и забыли вернуть.

В целом «мясо революции» с удивлением обнаружило, что жизнь Раем, мягко говоря, не стала. А вот наоборот, – да. «Владельцы независимости» активно играли с Англией, гнавшей в бывшие колонии потоки товаров по демпинговым ценам на условиях долгосрочного кредита. Счета спекулянтов росли, но местные мануфактуры увядали, как и торговля сельхозпродуктами с островами Вест-Индии, где теперь янки облагали пошлинами, как иностранцев. Бремя налогов росло не по дням, а по часам, фермерам приходилось закладывать участки, а затем, в связи с невозможностью выплачивать даже проценты, терять их. Протесты снизу до верхов, увлеченных своими играми, не доходили, требования – снизить проценты по долгам, отменить тюремное заключение за долги, провести денежную реформу, короче говоря, «отрегулировать» ситуацию – даже не рассматривались. Вернее, кое-где, в штатах, где у власти были плантаторы, не чуждые феодальных представлений о чести и долге, или владельцы фабрик и мастерских, некоторые уступки «регуляторам» были сделаны, эмиссия бумажных денег проведена, и ситуация, хотя и осталась напряженной, несколько смягчилась. Но в Массачусетсе,

Нью-Йорке, Нью-Гэмпшире, самых-самых «оплотах свободы» и «провозвестниках демократии», где власть прочно держали в руках олигархи, – банкиры, оптовики, посредники и прочая крупная живность, ни о каких уступках никто и слышать не хотел, а вместо законов об эмиссии и смягчении в вопросах о долгах были проведены законы о «взыскании долгов в твердой валюте». В связи с чем и жить полноправным гражданам, не входящим в кружок «владельцев независимости», стало совсем нелегко.

Жил отважный капитан...

А люди между тем все понимали. Завоевав независимость, они сознавали, что нагло обмануты, и это им не нравилось, и в конце концов, в Массачусетсе тэрпэц урвался. Начались собрания недовольных, где за пивом мужики рассуждали, что красивыми словесами о свободе и справедливости сыт не будешь, семьи голодают, дальше так жить нельзя и надо бы что-то делать. По ходу посиделок формировались общества «регуляторов», понемногу устанавливавшие связи между собой, затем начались многолюдные сборы и военные тренировки. Короче говоря, обстановка накалялась всерьез. Не хватало только вожака, но и за этим дело не стало, – один из терпил, фермер Даниэль Шейс, точно так же, как и прочие, доведенный до крайности, имел и опыт командования, и авторитет дай Бог каждому. Информации о нем я нашел не так уж много, но дядя был из бывалых. Не просто ветеран, а из тех, кто записался в ополчение 19 апреля 1775 года, сразу после известия о стычках «Сынов свободы» с «красными мундирами» в Лексингтоне и Конкорде, а боевое крещение и лычки сержанта получивший за храбрость в бою при Банкер-Хилл, первом серьезном сражении Войны за независимость. Служил храбро, исправно, выслужил лейтенанта, затем капитана, прославился в знаменитом сражении при Саратоге, был на виду у ведущих военачальников, вплоть до самого Вашингтона, а от Лафайета даже получил за героизм именную золотую саблю. Теперь он, успев потерять ферму, проиграть все иски и даже посидеть в тюрьме, был доведен до белого каления, и нет ничего удивительного, что именно его на общем сходе «регуляторов» избрали «главным тренером» будущей «армии справедливости», то есть фактически лидером и главнокомандующим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.